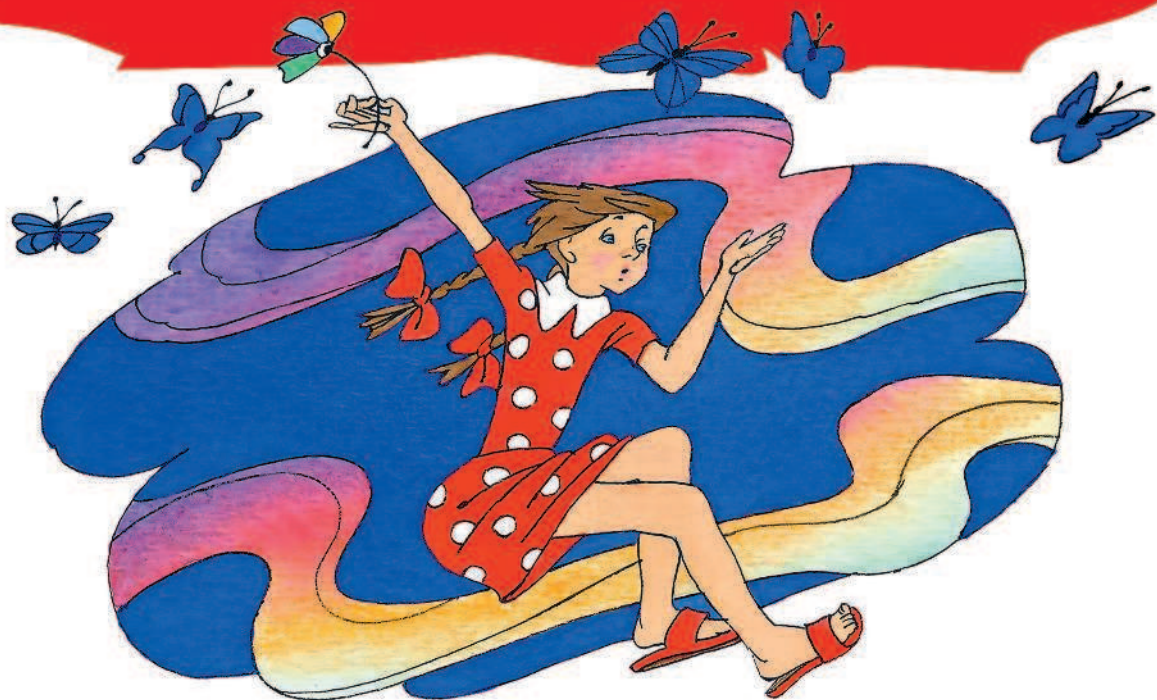

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО
ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ДРУГИЕ

Большая книга
лучших
рассказов для детей

«МАЛЫШ»

Е. Пермяк

ПРО ТОРОПЛИВУЮ КУНИЦУ И ТЕРПЕЛИВУЮ СИНИЦУ

Стала торопливая Куница шёлковый сарафан к лету кроить. Тяп-ляп! Весь шёлк искромсала-изрезала в лоскутки. И не то что сарафан — платка из этих лоскутков нельзя сшить.

Стала терпеливая Синица из холстины фартук кроить. Тут прикинет, там смекнёт, сюда подвинет, туда подвернёт. Всё она сообразила. Всё высчитала, всё вычертила, потом за ножницы взялась. Хороший фартук получился. Ни одного лоскутка не пропало даром.

- Диву далась Куница. На фартук глядит — завидует:
- Где ты кройке-шитью училась, Синица? У кого?
 - Бабушка меня шитью выучила.
 - А как она учила тебя?
 - Да очень просто. Пять волшебных слов велела запомнить.
 - Каких?
 - «Семь раз отмерь — один отрежь».

ЕЖИХА-ФОРСИХА

Приглянулся Ежихе-форсихе выдровый мех. Не налюбуется.

— Давай, Выдра, одежкой меняться.

— Давай! — говорит Выдра.

Сказано — сделано. Поменялись одежками.

Ходит по лесу Ежиха-форсиха, дорогим выдровым мехом похваляется:

— Вот я какая нарядная! Смотрите.

Учуяли собаки-разбойницы дорогой выдровый мех и кинулись на Ежиху-форсиху:

— Снимай, тётка, выдровую шубу!

А Ежиха и в ус не дует. Забыла, что больше она не колюча. Свернулась по старой ежиной привычке в комочек да и подзадоривает собак:

— А ну, попробуйте схватите меня!

А собаки взяли да и схватили.

Поняла Ежиха в собачьих зубах, какого она маху дала, когда свою колючую шкурку-защитницу на выдровый приманочный мех променяла. Поняла, да уж поздно было.

МАТЬ-МАЧЕХА

Снесла непутёвая Кукушка три яйца. Одно — в иволгино гнездо, другое — в желнино, третье — в щеглиное. Снесла беззаботная мать и улетела в весёлые леса куковать, годы предсказывать, людям голову морочить, свою душеньку тешить. Летала она так, куковала да и о детях вспомнила, что в чужих гнёздах росли.

— Пора мне их под своё крыло взять, — сказала кукушка. — То-то обрадуются детушки родимой матушке.

Прилетела Кукушка к иволгиному гнезду, а её кукушонок и не взглянул на мать. Иволгу матерью называет. Из её клюва кормится, на её голос откликается.

— Вон ты каков, неблагодарный! Из моего яйца проклюнулся, а меня и узнать не захотел, — сказала в сердцах Кукушка и полетела в желнино гнездо. Увидела там кукушонка и к нему бросилась:

— Здравствуй, сыночек мой ненаглядный. Узнал ли ты свою мать?

Испугался кукушонок невиданной им птицы, на весь лес пищит, Желну кличет:

— Матушка, лети скорее сюда! Чужая тётка хочет меня из родного гнезда унести.

Прилетела Желна и прогнала прочь Кукушку.

Полетела тогда Кукушка к щеглиному гнезду. Глядит — её кукушонок Щеглиху перерос. Она еле-еле кормить его поспевает.

«Ну, — думает, — эта-то отдаст мне моего обжору».
— Бери, — говорит Щеглиха, — своего подкидыша.
Я из сил выбилась, уж очень он много ест.

Как услышал это кукушонок, задрожал, замахал крылышками и жалобно-жалобно стал просить Щеглиху:

— Дорогая моя мамонька, я лучше с голоду умру, только из-под твоего крыла под чужое не пойду.

Разжалобилась Щеглиха. Тоже всплакнула.

— Да никому я тебя, мой сыночек, не отдам. Лучше часок-другой не досплю, а тебя выкормлю.

Кинулась тут Кукушка к судье — судом деток отсуживать. А судьёй в этом лесу Дятел был. Мигом дела разбирал. И кукушкино дело скорёхонько рассудил. По совести, по народной мудрости решение вынес: «Не та мать, которая деток народила, а та, что их вскормила, вспоила да на ноги поставила».

ХИТРЫЙ КОВРИК

Умной Машенька росла, да не всё понимала. Пошла она как-то в лес и ужалилась о Крапиву.

— Ах ты такая-сякая, колючая... Зачем только ты на свете живёшь? Один вред от тебя!

А Крапива рассмеялась на это и сказала:

— Так и о пчеле можно только по жалу судить. А пчела ведь ещё и мёд даёт.

Тут Маша как крикнет на весь лес:

— Да как ты можешь, бездельница, себя с пчелой-труженицей сравнивать!

